Игра на повышение

Автор:
Павел Почикаев

Игра на повышение

Павел Сергеевич Почикаев

Президенты четырёх стран собираются в бункере, чтобы раз и навсегда решить старые разногласия. На кону человеческие жизни, а решать их судьбу будет обычная партия в карты. За каждым Президентом его страна, жители которой единственно хотят выжить. Кому хватит смелости поднимать ставки? И кто окажется ни с чем?

Павел Почикаев

Игра на повышение

Дверь была обычной. Да – массивной, да – железной, и точно такой же, как и тысячи железных дверей по всему земному шару. Вот только её чертовски не хотелось открывать. Не за каждой дверью сидит сумасшедший в классическом костюме, готовый перекроить этот самый земной шар.

Дверь была чёрная, и практически во всю её высоту тянулся блестящий поручень. Он находился с левой стороны и стягивал на себя всё скудное освещение коридора. Несколько отражённых бликов неприятно ударили Йоханайна Грабиса по глазам, уже успевшим привыкнуть к царящему в здании полумраку.

Он тихо выругался и обернулся. Никто за ним не шёл, изгибающаяся кишка коридора имела в своём чреве только одного человека. Его весьма любезно

проводили до первой двери, а остаток пути ему следовало пройти в одиночестве, наедине с самим собой и, возможно, ещё раз обдумать, а правильно ли он поступил, согласившись на столь явную провокацию…

Несмотря на то, что коридор позади него наполняла лишь пустота, он всё равно ощущал некую силу, заставляющую его продвигаться вперёд, словно неосязаемая рука подталкивала его в спину, словно в коридоре наблюдался перепад давления, который неумолимо приближал его к массивной и железной двери.

Обернувшись, он подумал, установлены ли камеры в коридоре, чтобы вести прямую трансляцию прямо отсюда, чтобы ещё до начала большого безумия люди накручивали себя, чтобы им передавался его страх, чтобы они могли стать свидетелями его беспомощности и неуверенности. Да и о какой уверенности могла идти речь, когда поставленный перед ним ультиматум был палкой о двух концах, каждый из которых грозил потерями? Резонно было задаться вопросом о меньшем из зол, но Йоханайн посчитал его слишком лицемерным.

Даже если здесь и присутствовали камеры (в чём он сомневался), то отвлекаться на них явно не стоило, он пришёл чтобы сделать всё, что в его силах, и сделает это даже под прицелом всех камер планеты.

Пустота сзади давила на него. Он бы чувствовал себя намного увереннее, если бы эти чёртовы серые полицейские не произвели обыск. Он был Президентом, неприкосновенной личностью! Вот только им было глубоко плевать на титулы и регалии, для них существовал только один бог в человеческом обличье, по коей указке они и обшарили его карманы. В них они, правда, ничего не нашли, но кобура, прикреплённая к внутренней стороне левой голени, осталась у них. Перед тем как открыть дверь, Йоханайн нагнулся, прикоснулся пальцами к тому месту, где ещё несколько минут назад кожу стягивал тонкий ремешок, и решился.

За поручень он схватился правой рукой и испытал неприятные ощущения. Поручень был холодным и немного маслянистым. Его лицо скривилось, а перед внутренним взором нарисовался старый бульдог, состоящий из складок и сующий язык в его раскрытую ладонь. Язык, который на протяжении десятилетий использовался по прямому назначению, гладкий, скользкий, всепроникающий… Отвращение захлестнуло его.

Установленный с противоположной стороны гидроцилиндр помог его и без того сильному рывку, так что в комнату он, можно сказать, ворвался. Его появление сразу привлекло внимание двух мужчин. Нельзя сказать, что они беседовали, нельзя сказать, что они находились в контакте, возможно, они старались не замечать друг друга, по крайней мере один из них не выявлял никаких признаков расположенности к другому. И Йоханайн прекрасно понимал его.

Этот сидел на стуле, плотно придвинутом к столу, и занимался тем, что разминал свои пальцы. Большим и указательным пальцем левой руки он тщательно и неторопливо проминал фаланги правой руки. На звук резко открывшейся двери он только немного повернул голову, так и не прервав своего занятия. Йоханайну подумалось, что до его прихода в комнате царила глубокая тишина, позволявшая слышать влажный хруст суставов.

Зато второй человек немедленно отреагировал на появление Грабиса. Он стоял возле своего стула, и при появлении вновь вошедшего так импульсивно толкнул его, что тот чуть не перевернулся.

– Пан Грабис! Добре! Добре! – Ему даже хватило наглости изобразить поклон, как будто своим визитом Грабис удостаивал его огромной чести. Как будто стоящий не был кукловодом, разыгрывающим весь этот апокалиптический спектакль. – Вот ваше место! – Энергичный человечек указал на свободный стул, располагающийся между его местом и угрюмым господином, который нещадно теребил свои пальцы теперь уже на левой руке. – Нам осталось дождаться всего одного участника, и мы сможем приступить к самой интересной партии в мире!

С этим Грабис спорить не мог. В его мозгу всё ещё крутились мысли-образы про складчатого бульдога, на которые теперь накладывались впечатлении о человеке, собравшем их всех за одним столом. А ведь он тоже напоминал того бульдога, тоже казался скользким и немного аморфным, и никто даже не догадывался, что эта псина болеет бешенством, что её мозг буквально сгорает в вихре противоестественных потребностей, обусловленных садистским складом ума.

Ассоциации с собакой представились ему чересчур живыми, что он решил переменить объект внимания. Обшаривая глазами тёмную комнату, он намеренно избегал смотреть на подвижного человечка, от которого так и разило энтузиазмом (ровно, как и потом). Как оказалось, помимо трёх представителей трёх государств в комнате находился ещё один мужчина. Грабис совершенно не

обратил на него внимания, и лишь нервный тик, заставляющий его поминутно оглядываться, позволил различить ещё одну фигуру.

Человек стоял совершенно неподвижно, света было недостаточно, но Йоханайн был уверен, что на нём надета форма серого цвета, а в тусклых лучах неярко подсвеченной карты мелькают звёздочки погон. Присутствие этого человека и армейская карта, смаштабированная по границам четырёх стран, недвусмысленно напоминали о цели их собрания. Рассматривая хорошо известные ему границы, Грабис понимал, что всё происходит в действительности. В животе перекатывались черви, очень хотелось блевать, но это всё равно бы ничего не исправило.

Рядом с застывшим серым человеком располагалась маленькая клавиатура, которой ему предстояло воспользоваться в ближайшее время. Йоханайн поднёс трясущуюся руку к воротнику и скорее надорвал, чем расстегнул пуговицу.

С правой стороны до него продолжали доноситься влажные звуки растягиваемых суставов, они подливали масла в его непотухающий огонь паники, ему хотелось, чтобы его сосед (Президент Гершель) прекратил это, но ведь и ему нужно было как-то выпускать внутреннее напряжение.

Когда-то, как сейчас казалось миллиард лет назад, до первой седины, до президентского срока, до этой проклятой комнаты, которая для многих станет могилой, Грабис получал техническое образование. В его дипломе значилось: "Инженер-конструктор" и через его голову прошло много различных предметов, весьма туманно связанных с его дальнейшей жизнью. Среди прочих непонятных терминов ему встречался и "внутреннее напряжение", который всегда представлялся некоей абстракцией, которой невозможно было подобрать образ. Как металл может испытывать внутреннее напряжение? Спустя несколько десятков лет, посвятив жизнь совершенно иному, ему вдруг удалось подобрать наглядную визуализацию для этого явления. Достаточно было повернуть голову вправо и наблюдать за проминаемыми пальцами Гершеля.

У Йоханайна ужасно чесались подмышки, у него свербело в паху, ему хотелось облизаться, но ничего из этого он не мог себе позволить. Тут точно были установлены камеры, транслирующие тёмную комнату в прямой эфир. Все станции, на всех экранах тысячи городов показывали невзрачный стол, четверых мужчин и один пока не занятый стул, Грабису больших усилий стоило удерживать себя в руках, и собственная гордость была одной из тех нитей, что

не давали ему провалиться в бездну поднимающегося из живота безумия. Он был Президентом (пусть и не самым лучшим), он был лицом нации (пусть и не самым привлекательным), и по ту сторону экранов люди ждали от него решительных действий. В этой игре у него не получится остановится на середине, а потому он до последнего собирался подавлять собственное малодушие. Хотя бы из-за того, что за каждым его действием очень пристально наблюдали крайне заинтересованные в этом люди.

У него был способ успокоиться, у него был маленький островок уверенности в захлестнувшем мир потоке диктаторской самовольности, смешанной с крайней степенью помешательства, нужно было только залезть рукой в нагрудный карман… Но вместо этого Йоханайн лишь провёл влажной ладонью по ткани кармана, проверяя хранящийся там гарант собственной уверенности. Всё было на своих местах.

Борясь с собственными трусливыми демонами, пытаясь не обращать внимания на истязания Гершеля, Грабис неуловимо возвращался к стоящей возле стула фигуре. По сравнению с замершим по стойке смирно солдатом она представляла другую крайность. Маленького, щуплого человечка распирало от желания, он ежесекундно вздрагивал, оттягивал самый краешек рукава, смотрел на часы и несколько мгновений наблюдал за движением стрелки, потом это ему надоедало, и он принимался теребить пуговицы своего весьма скромного пиджака, который никак не вязался с его самомнением. Однако в нём не чувствовалось ни грамма напряжения, словно главной причиной его мучения было ожидание, а не та идея, заставившая Президентов соседних государств бросить свои дела и принять его предложение.

Клаус Филипп Мария Шенк граф фон Штауффенберг Рансхофен – диктатор из грязи, как его называли противники, естественно только за спиной и только в кругу надёжных лиц. Ходили слухи, что его предки были то ли лесничими, то ли браконьерами, сейчас уже невозможно было определить, потому как историки упрямо именуют его Белым Предводителем и расписывают его происхождение в самые благородные тона. Выскочка, сумевший воспользоваться суетой вокруг упавшего правительства и быстро перекроивший страну по собственному замыслу. Моральный дегенерат, обладающий ядерным оружием и выставляющий его на всеобщее обозрение, сующий его под нос ближайшим соседям. Сующим демонстративно и с наслаждением.

В его облике не было абсолютно ничего агрессивного, лишь брови он держал вечно нахмуренными, как будто затаил обиду на весь мир и пытался на нём отыграться, лишь маленькие кулачки постоянно были стиснутыми, а голос срывался, когда он произносил свои пламенные речи, написанные другими людьми.

Вплотную прилизанные к черепу волосы он зачёсывал на левую сторону, воротничок носил настолько тугой, что, скорее всего, мучился натёртой шеей, отчего она становилась красной и шелушилась. Сразу под воротником, плотно охватывающим шею, находился малюсенький узелочек галстука, завязанный с педантичной дотошностью… Во всём его образе царила антипатия, с ним не хотелось иметь ничего общего. Да с ним и в одной комнате находиться было противно – очень скоро становилось душно.

Грабис не представлял, как Гершель относится к Рансхофену, но его самого трясло от излишней манерности. На какое-то время он даже забыл про собственный страх, про судьбу нескольких тысяч человек, больше всего ему хотелось вскочить с места и вдарить по бесхарактерной, жидкой, вялой морде этого напыщенного скота. Лучше было пустить себе пулю в лоб, чем наблюдать за тем, как этот противный тип одними лишь кончиками пальцев оттягивает рукав и вглядывается в часы. Подобный жест более подходил женщинам, а потому был совершенно неуместным в подземном бункере. Не хватало ещё, чтобы он слюнявил перед этим пальцы. Но для этого Рансхофен был слишком чистоплотным созданием. Поразительно, что тело, обременённое таким извращённым мозгом, совершенно не переносило грязи.

Йоханайну Грабису и самому хотелось посмотреть на часы, но он заставлял себя терпеть, не хватало ещё поддаться тику Рансхофена. Ну нет, до такого он не опустится, он будет сидеть на месте и терпеливо дожидаться последнего участника их партии. Благо, когда начнётся игра, ему будет совершенно не до манерности двинутого диктатора, там его внимание всецело сосредоточится на картах и на том, что успел рассказать ему Фарханг.

Он попытался сосредоточиться на словах своего учителя, хотя это было очень громким словом для заключённого шулера, но зуд под левой подмышкой заставил его отвлечься. Он попробовал украдкой почесаться о спинку стула и понял, что во время этой операции как бы случайно задирал рукав, под которым прятались часы. Проклятье!

Неизвестно, сколько по времени продолжалось бы его мучение, если бы вдруг не послышался отдалённый шум, за которым последовал тяжёлый толчок, после чего массивная дверь, расположенная прямо напротив Йоханайна пришла в движение и исторгла из своих недр четвёртого Президента.

"Твою мать, – пронеслось в голове у Грабиса. – Неужели я в момент появления выглядел так же?" Воспользовавшись тем, что на него никто не смотрел, он всё-таки почесал подмышку и бегло пробежался по себе взглядом.

Пятый мужчина выглядел неопрятно, если не сказать вызывающе. Вполне возможно, что при виде подобной неопрятности по лицу герра Рансхофена пробежала дрожь неудовольствия, но почти сразу же её сменила слащавая улыбка, с которой он любил выставлять на показ свои ракеты. Приветствуя последнего гостя, он и не собирался обращать внимания на вспухшие синяки под воспалёнными глазами; на щетину, неаккуратно оставленную под левой ноздрёй; на три расстёгнутых пуговицы на рубашке.

– Дон Ромуло, ваш стул уже готов! Мы только вас и дожидаемся! Задержались в дороге или собирались с силами? – Неприкрытый сарказм мог послужить завязкой конфликта, но Джабар Ромуло оставил его совершенно без внимания. Он повалился на своё место, далеко вперёд вытянул ноги, испачкав при этом туфли Грабису, опёр локти на столешницу и лицом уткнулся в ладони. Своих коллег он удостоил только беглым взглядом, в котором Грабис успел прочитать отчаяние загнанного зверя. Ромуло походил на быка, уже измотанного матадором и ожидающего решающего удара шпагой.

Ромуло провёл руками по лицу, заскрипев оставшейся щетиной, Грабис незаметно постарался втянуть в себя воздух – запаха алкоголя он не ощутил. Гершель наконец перестал массировать свои пальцы, вместо этого сцепил их перед собой, но так и не оторвал глаз от полированной столешницы. Раснсхофен двумя пальцами провёл по своему отутюженному воротнику, сильнее прежнего подтянул узел галстука.

– Мне очень лестно, что вы откликнулись на моё приглашение и собрались в этом месте. – Говоря он немного раскачивался взад-вперёд и по очереди пытался заглянуть в глаза своих собеседников. Со стороны Ромуло послышался смешок, напоминающий стон, Рансхофен на него не отреагировал. – Мне лестно, что вы – мои ближайшие соседи – ответили мне согласием и разделяете мою позиции в вопросах переговоров. Мне лестно, что вы понимаете бессмысленность

дальнейшего нагнетания обстановки между нашими державами и готовы одним действием решить все наши проблемы раз и навсегда. Прямо как в сказках. Мне лестно, что вам хватило мужества, и уже поэтому я считаю вас достойными противниками, с которыми нужно и должно считаться.

"Как будто у нас был выбор! Как будто ты нам его оставил!" – желание превратить слащавое личико в кровавую отбивную достигло апогея, Грабису пришлось сжать ладонью ножку стула.

–… одним махом. – Продолжал герр Штауффенберг Рансхофен свой монолог. – Я не хуже вас представляю, что сегодня поставлено на карту. – Тут он сделал небольшую паузу, слово осмысливая собственные слова, и усмехнулся. – Прошу прощения за получившийся каламбур… Я остановился на том, что поставлено на карту. Я знаю, что поставлено, а потому уверяю вас, что с моей стороны не будет обмана, и от вас я ожидаю такого же. Не так ли, пан Грабис? – Вопрос застал его врасплох, Рансхофен знал про маленькую кобуру на лодыжке, и от этого Йоханайн почувствовал себя голым и совершенно беззащитным. Пальцы машинально потянулись к левой голени, но он вовремя себя отдёрнул. – Никакого обмана. Одна партия, четыре Президента и пятьдесят две карты. И на всех нас одно небо!

Видимо, последняя фраза была очень удачной шуткой, потому как Рансхофен аж затрясся, но остальные либо не поняли юмора, либо не желали смеяться.

Рансхофен плавно опустился на свой стул, затем грациозно отдёрнул рукав пиджака. Отточенным движением он расстегнул замок и аккуратно положил часы чуть в стороне от себя. Грабис был не в состоянии перечислить всех титулов этого человека, в распоряжении которого были ракеты, которых вполне хватило бы для локальной истребительной войны, он был не в силах разобраться в тёмных замыслах, населявших его голову, и оттого ещё сильнее удивился, когда увидел его часы. Это оказался простейший механизм с большим круглым стеклом, на циферблате которого не отображалась даже дата, а ремешок был потрескавшимся и порванным в одном месте.

Его ухоженные пальцы подхватили маленькую коробочку, одним ногтём он подцепил целлофановую обёртку, шумно стянул её и высыпал в подставленную ладонь карты. Небрежным движением он откинул двух джокеров, после чего колода заплясала в его руках.

Ромуло совершенно безнадёжно наблюдал за танцем мастей, Гершель сильнее стиснул пальцы, так что костяшки совершенно обескровились, Грабис, не таясь, смотрел в лицо Рансхофена, потому что так учил Фарханг и потому что, кроме этого, он мог надеяться лишь на собственный гарант. Из всех подвижность лица сохранял только Рансхофен, уголки его рта неудержимо ползли вверх, повышая всеобщий градус надвигающегося безумия.

– На всякий случай я напомню всем правила. Сдавать будем по две карты. Сидящие по ходу часовой стрелки за дилером ставят малый и большой блайнды соответственно, обеспечивают нам банк. Дальше мы с вами будем смотреть карты и начинать торги. В качестве маленького блайнда предлагаю начать с пяти тысяч.

***

В его кабинете было много света, он любил работать при включенном освещении и даже днём не выключал его. Может быть, психологи смогли бы найти этой мании объяснение, они вообще чему угодно могли найти объяснение, но, во-первых, его совершенно не волновало их мнение, а во-вторых, у них не было абсолютно никакой возможности оказаться в его кабинете. Вот и сейчас иллюминация была включена на максимум, и Йоханайн Грабис занимался работой, за которую и получал солидный заработок, а именно сидел в мягком кресле и думал.

Советник, уже несколько минут стоящий перед ним, переминался с ноги на ногу и старался не замечать, как Президент кусает губы. Ожидание затягивалось, а между тем времени у них было не очень много. Наконец советник решился:

– Вы уверены, что поступаете правильно? – Нелепый вопрос, но прошедшие сутки существенно изменили значение слова «нелепый».

Грабис отвлёкся от созерцания противоположной стены и медленно повернулся. На его лице можно было различить множество самых противоречивых эмоций, вот только советник не наблюдал на нём уверенности. Как бы он не вглядывался, ему не удавалось её рассмотреть. Подобная мелочь полностью деморализовала его, поэтому он и нарушил тишину глупым вопросом.

– Ты спрашиваешь, уверен ли я в своём решении? – Возле рта пролегли неприятные складки, сидящий Йоханайн весь как-то подобрался, выпрямился в кресле и зыркнул прямо в испуганные глаза советника. – После всего того, что я сделал для страны, после всех невзгод, через которые нам всем удалось прорваться, после Эксплуататорской войны ты думаешь, что я брошу свой государство? Что без боя сдам его на растерзание? Отойду в сторону и буду смотреть, как моё небо разрывает металлический дождь?

– Просто… просто… сейчас на улицах паника, люди бросаются в машины и стараются уехать, а вы даже… – Советнику очень не хотелось говорить то, что уже сутки висело у него на языке, но, с другой стороны, завтрашний день вообще мог не наступить, поэтому он решился. – Вы даже не умеете иг…

– Молчать! – Рявкнул Грабис и подскочил на своём месте. Органайзер на его столе перевернулся, и на ковёр посыпались ручки. – Молчать! В твои обязанности не входит указывать, что мне нужно уметь делать! Если ты ещё хочешь принести пользу этой и без тебя потрёпанной стране, то приведи его ко мне, а потом выметайся хоть на все четыре стороны!

Советник смотрел на багровеющее лицо, его пальцы непроизвольно стискивались в кулаки, горло драли десятки достойных ответов истеричной вспышке, но он их проглотил. Проглотил, как и тысячу обид до этого и как проглотит ещё, если, конечно, и он и Президент останутся живы. Вместо бушующей внутри него дерзости, он заставил себя поклониться и направился в сторону двери, по пути раздавив несколько ручек. В дверях его догнали слова Грабиса:

– Знаете, советник, а ведь именно сомневающиеся люди заталкивают нашу страну в пропасть. Особенно в лихие времена…

Он проглотил и это.

Йоханайн подождал, пока закроется дверь, потом выждал ещё несколько секунд, вслушиваясь в удаляющиеся шаги. Убедившись, что советник отошёл на достаточное расстояние, Грабис схватил кружку с давно остывшим чаем и запустил её в стену. Стекло брызнуло осколками по сторонам, по стене расплылась огромная клякса, тоненькие лучики которой побежали к плинтусу. А ведь ещё недавно он думал, что хуже быть не может.

Эта проклятая страна сосала из него все соки, она требовала его всего, но ничего не давала взамен. На него покушались, при нём устраивались бунты, его автомобиль закидывали бутылками с бензином, но он мог лишь продолжать светить улыбкой и пытаться изменить хоть что-то к лучшему. С каждым днём становилось всё хуже, он уже не отдавал себе отчёта о происходящем в государстве, проблемы возникали поминутно и требовали срочного урегулирования, и постепенно Грабис убеждался в том, что второй срок стал самой главной ошибкой в его жизни. Возможно, если бы так продолжалось ещё некоторое время, он бы отказался, сбросил с себя эту ношу, признал свою слабость.

Что он сказал советнику, что не собирается отходить в сторону и наблюдать за снарядами Рансхофена? Что не покинет тонущий на протяжении десятка лет корабль? Бред это всё! Плевать ему на страну! В ней только бремя, от которого он уже жаждет отказаться…

Нужно было уходить. Нужно было убираться, когда только почувствовал, что башня его величия начинает заваливаться. А теперь вдобавок ко всем имеющимся проблемам ему нужно выполнить условия ультиматума, в противном случае останется только задрать голову к небу и ждать избавления. У него был бункер, но в него нельзя было спрятать целую страну, даже несколько городов… при всём своём нежелании Грабис прекрасно понимал, что именно на нём лежит ответственность за полтора миллиона людей. В нём даже брезжил лучик надежды, что удачный исход партии Рансхофена поможет восстановить ему своё лицо. Быть может, это поможет людям простить его былые прегрешения?

Да, так оно и будет… Он станет национальным героем и в торжественной обстановке откажется от Президентского титула и уедет в какое-нибудь отдалённое местечко. На периферии сознания скользнула мысль сбежать прямо сейчас, но чаша весов с полуторамиллионным населением заметно перевешивала.

Вот только для начала нужно всего лишь выиграть в игре, о которой он не имел ни малейшего представления.

Переговорное устройство на его столе затрещало, хриплый голос осведомился, готов ли Президент к приёму арестанта. Грабис дал утвердительный ответ, занял полагающееся ему позу. Взгляд его упал на пятно, расплывающееся по стене, всё-таки зря он разбил этот стакан.

Открылась дверь и в сопровождении двух дюжих офицеров в кабинет вошёл арестант, который всего пять часов назад отбывал длительный срок в колонии строго режима. Кто бы мог подумать, что преступника со многими отягчающими обстоятельствами досрочно освободят Президентским указом.

Недавний заключённый улыбался хищным оскалом, от его бегающих глазок не укрылось чайное пятно, вроде бы он даже ехидно захихикал, но Грабис в этом не был уверен. На заключённом была самая дешёвая рубашка, из-под которой выглядывала тюремная безрукавка, его так же обеспечили новыми штанами, которые были ему велики минимум на два размера, обувь менять не стали. Йоханайн чувствовал запах мыла, видимо, парню обеспечили косметические процедуры, прежде чем привели сюда, хотя он считал это излишним. В сложившихся обстоятельствах нельзя было терять времени на грязные волосы.

Человек в дешёвой рубашке наступил на несколько ручек и сделал это с явным удовольствием – не каждому удаётся наблюдать беспорядок в кабинете Президента, видимо, парень хотел ещё некоторое время посмаковать ощущения.

По лёгкому кивку Йоханайна один офицер усадил преступника на стул и отошёл к двери. Второй занял позицию по левую руку от Президента.

– Фарханг Рамвилас, тебе дали свободу специальным указом и на условный срок заморозили твоё пребывание в тюрьме. Готов ли ты к сотрудничеству? – Грабис говорил чётко поставленным голосом, судя по полученным сведениям этот парень был настоящим асом в карточных делах, а значит, его знания нужно было использовать по максимуму.

Почувствовав себя центром вселенной, Фарханг ответил не сразу. Он сделал свою улыбочку ещё гаже и закинул одну ногу поверх другой. Зевнул и потянулся. Стулья в Президентском кабинете были намного удобнее тюремных нар.

– И чем же я могу вам помочь? Что от неблагоприятного элемента может понадобиться государству? Очередное признание? Вы уже выбили из меня всё, что было можно. Или этого оказалось мало? – Он не собирался отводить глаз от Йоханайна.

Пришла очередь Грабиса проглатывать чужие слова. Ему нужна была помощь этого человека, а значит, во имя и на благо дела он стерпит это.

– Пан Рамвилас, разговор идёт о деле государственной важности, можно даже сказать, что на кону катастрофическое количество жертв. И с вашей помощью мы надеемся свести их к минимуму. Вы готовы к сотрудничеству?

Президент не ожидал лёгкой беседы. Так оно и вышло.

– В каком же упадке находится наша славная страна, если президент вынужден прибегать к помощи таких, как я? Насколько прогнили общественные устои, если к делу государственной важности подключают заключённых…

– На данный момент вы не являетесь заключённым. – Сквозь стиснутые зубы проговорил Грабис. – Вам объявлена временная амнистия, а то, как вы ей распорядитесь, зависит только от вас. Имейте в виду, что с такой же лёгкостью вы вновь можете оказаться в камере. Не вы так кто-нибудь другой возжелает занять ваше место. Кто-нибудь, обладающий большим количеством извилин и способный к здравой оценке ситуации. Итак, решение только за вами.

Естественно, он врал, если другие и существовали, то их нужно было разыскивать, тратить на это время, равнявшееся человеческим жизням. Но на этого поддонка нужно было надавить, задеть его самовлюблённость, сыграть на нарциссизме. Показать, что он всего лишь один из многих.

Фарханг напряжённо размышлял.

– Знаете, что говорила моя мама? – Спросил он после молчания.

– И что же она говорила? – Как мог любезно поинтересовался Грабис.

– Что если ты умеешь что-то делать, то не нужно делать это за бесплатно. – Сколько самодовольства, сколько важности вложил он в эти слова. Фарханг, наверное, упивался своей властью над Президентом, готовился загибать пальцы и перечислять свои желания.

– Никто и не говорил, что помощь будет бесплатной. Государство готово будет замять твои дела. Скажем так, в следствии всплывут некие обстоятельства, которые позволят освободить тебя, скажем, через месяц, и на некоторое время ты пропадёшь с наших радаров. Однако дело нас ожидает щепетильное, поэтому не могу обещать, что в будущем не предвидится ещё каких-нибудь послаблений…

– Вы так просто возьмёте и спустите меня с поводка? – Фарханг не верил ни единому слову, но что-то в голосе Президента заставляло его задуматься. Он постарался прислушаться к своему чутью.

– Всё зависит от твоего вклада и… назовём это, успеха предприятия. – Йоханайн шёл на нарушение собственных принципов, но на войне все способы хороши. – Рамвилас, твой ответ.

– Уж не знаю, что происходит вокруг меня, но мама всегда говорила, что нужно уметь хватать удачу за хвост. Так что там за дело государственной важности?

Вместо ответа Йоханайн выдвинул ящик и пошарил в нём рукой, а затем выложил небольшой предмет на стол перед собой, так чтобы Фарханг хорошенько его рассмотрел. Ехидная улыбочка на лице сменилась недоумением. Его глаза сузились, как будто он пытался разгадать пока ещё непонятную ему шутку.

– Карты? – В голосе слышались издевательские нотки. – Дело государственной важности – это карты? Или я просто ничего не понимаю?

На кону стояли живые люди, которые, скорее всего, уже были поставлены в известность. Интересно, сколько из них знают, что он ни разу в жизни не играл? Интересно, сколько из играют намного лучше Грабиса, но будут обречены на наблюдение, простое наблюдение по телеэкрану, которым они совершенно не будут защищены? Логичнее всего было бы спрятаться в какой-нибудь глубокой яме и просто ждать. Молиться, если ты верующий, искать веру, если ты неверующий, обретать веру, если ты хочешь хоть на что-то надеяться… Всё это прекрасно представлял Грабис, и у него не было времени на затяжные объяснения с вшивым преступником.

Из открытого ящика он достал шокер и положил его подле колоды карт, а потом вперил свой взгляд прямо в улыбающуюся морду нахального типа, восседающего в его кабинете.

– Да, это всего лишь карты, но от того, как я сумею ими распорядиться зависит много жизней. Может быть, тебе абсолютно насрать на окружающих людей, но ты точно будешь находиться в городе, который я выставлю в самом начале, если не затолкаешь свои шутки поглубже. Я не хочу им пользоваться, – одним пальцем Йоханайн нежно прикоснулся к гладкому боку шокера, – но пользоваться им умею. И они тоже. – Президент качнул головой в сторону застывших офицеров. – Без шуток, без этой ублюдской улыбочки, застывшей на твоём лице, без нахальства, просто возьми и покажи мне основные приёмы. Страна этого не забудет.

Грабис не повышал голоса, не проявлял ни малейшей агрессии, но Фарханг нутром чувствовал, что угроза применения шокера не пустотела. И пусть он не разделял политику Йоханайна и считал его отвратительным Президентом, в этот самый миг что-то неуловимо поменялось. Нет, он так и остался его противником, так и считал, что его действия ведут лишь к провалу, но за маской беспристрастного правителя, за грозной личиной властности вдруг промелькнул обычный человек. Весь лоск сошёл, остался в прошлом, обнажив непривычную и такую знакомую обычность. На невозможно малый момент Президент действительно стал лицом своей нации – уставшим, напуганным, загнанным человеком, разве не тоже самое Фарханг наблюдал в зеркалах, разве его друзья и знакомые не носили на себе именно этот облик?

Оба – и просящий, и помогающий – скинули свои маски.

Фарханг протянул руку к столу Йоханайна. На долю секунды, когда его рука находилась возле шокера, два офицера напряглись и приготовились к решительным действиям. На долю секунды установившийся мир повис на волоске, может это было лишь наваждение, может беспомощность Президента в последний момент искусила бы его… но нет, Фарханг даже не глянул в сторону шокера. Он послушно взял колоду карт и принялся её перетасовывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/pochikaev_pavel/igra-na-povyshenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити